

Нюта
Весенняя

18+

Нить Ветра

Нюта Весенняя

Нить ветра

<https://litres.ru/74256857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — полукровка, купленная на невольничьем рынке. Он — эльф, который презирует всё человеческое.

Тридцать дней, три вспышки пыльцы и одна связь, которая сильнее магии.

Она должна научиться чувствовать по-эльфийски — тихо, глубоко, без прикосновений. Он должен научиться хотеть по-человечески — громко, жадно, до потери контроля.

Но её тело — оружие, созданное, чтобы уничтожить его мир. А его сердце — цена, которую она не готова платить...

Содержание

От автора	4
Глава 1. Пыль на ветру	5
Глава 2. Покупатель с холодными глазами	10
Глава 3. Светящаяся пыльца	18
Глава 4. Первая песня	25
Глава 5. Прикосновение издалека	33
Глава 6. Лунная баня	42
Глава 7. Отказ	51
Глава 8. Истечение срока	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Нюта Весенняя

Нить ветра

От автора

ВНИМАНИЕ!!!! Эта книга предназначена для читателей старше 18 лет!!!

В этой истории содержатся вымышленные сцены эротического характера, включающие магические практики близости, описание физического и эмоционального насилия (в контексте рабства), а также темы, связанные с травмой, властью и психологической зависимостью.

Автор не романтизирует насилие, неравные отношения или принуждение.

Все сцены служат для раскрытия персонажей, их внутренней трансформации и сюжетной логике мира, где магия, тело и желание переплетены в единую систему.

Если перечисленные темы могут вызвать у вас дискомфорт — пожалуйста, позаботьтесь о себе и отложите эту историю до лучшего момента.

Глава 1. Пыль на ветру

Она пришла в себя не от боли и не от холода, а от запаха мокрой шерсти, прелых листьев, железа и ещё чего-то сладкого, приторного, как забродивший мёд. Этот сладкий аромат лез в ноздри, смешивался с тошнотой и не давал продохнуть.

Анна открыла глаза.

Над ней качалось небо — чужое, неестественно зелёное, будто кто-то вымыл его кислотой. Две бледные, жирные луны висели низко, и между ними, как царапина на стекле, тянулась тонкая нить фиолетового сияния.

Она попыталась сесть и врезалась затылком в прутья.

Клетка.

Деревянная, скреплённая серебряными кольцами, она висела на толстой ветке, покачиваясь от каждого её движения. Внизу — грязь, осколки скорлупы, чьи-то кости. И запах. Всё тот же сладкий, тошнотный запах, который шёл не откуда-то снаружи, а от неё самой.

Анна опустила взгляд.

Руки. Тонкие, смуглые, с длинными узловатыми пальцами. Не её руки. На запястьях — серебряные браслеты, слишком тугие, впившиеся в кожу. На плечах — рваная серая ткань, похожая на мешковину, а под ней ничего.

— Очнулась, зверушка?

Голос раздался снизу. Мужской, ленивый, с присвистом на гласных.

Из темноты выступила фигура — не человек. Слишком высокий, слишком прямой, с ушами, уходящими вверх, как лепестки лилий. Эльф. Она узнала бы эти черты где угодно — длинное бледное лицо, глаза без белков, одни светящиеся радужки, цветом похожие на старый янтарь.

— Меня зовут Каэлис, — он улыбнулся, и улыбка не затронула глаз. — Я твой продавец.

Он наклонился, и клетка качнулась. Анна вцепилась в прутья, чувствуя, как дерево скользит под мокрыми ладонями.

— Где я? — Голос сорвался — хриплый, низкий, не её. — Что вы со мной сделали?

— С тобой? — Каэлис прищурился. — Ничего. С телом, которое тебе досталось, — почти всё. Предыдущая хозяйка не любила кормить своих игрушек, но ты, я смотрю, живучая.

Он постучал ногтем по пруту. Ноготь был длинный, заострённый, тёмный, как обсидиан.

— У тебя есть имя, зверушка?

Анна молчала, пытаясь собрать мысли в одно целое.

Тело...

Досталось тело...

Значит, она не просто проснулась в другом месте — она проснулась в другой шкуре. И эта шкура была избита, исху-

дала, на рёбрах — синяки, на бёдрах — следы от укусов, уже старые, пожелтевшие.

— Анна, — выдавила она наконец. — Меня зовут Анна.

— Анна, — продавец произнёс это имя так, будто пробовал его на вкус, и скривился. — Слишком просто. Для эльфийского уха, как удар камня по стеклу. Но ничего, твой новый хозяин переименует тебя. Или не переименует, если ты умрёшь раньше.

— Какой ещё хозяин?

— Аукцион начинается через час, — Каэлис кивнул куда-то в сторону. — Ты — лот номер семнадцать. Полукровка, сохранившая человеческий цикл. Для коллекционеров это... деликатес.

Он сказал это с таким же лицемерным удовольствием, с каким говорят «трюфель» или «выдержанное вино».

Анна попыталась дышать глубже, но сладкий запах только усилился, и она поняла, откуда он. От неё. От её запястий, от шеи, от внутренней стороны бёдер. Её натёрли маслом — густым, янтарным, с запахом мёда и разложения.

— Чтобы скрыть запах страха, — пояснил Каэлис, заметив её отвращение. — Эльфы не выносят запаха страха. Он для них как... как для тебя — запах гниющего мяса. А без масла ты бы провоняла всю площадь. И никто бы тебя не купил.

— Мне плевать, купят меня или нет, — прошептала Анна.

— Правда? — эльф наклонил голову. — Тогда, может,

расскажешь, что ты чувствуешь прямо сейчас?

Она хотела сказать «ничего». Хотела соврать, но тело предало её: грудь тяжело вздымалась, соски затвердели от холодного ночного воздуха, а между ног пульсировало что-то липкое и горячее, не имеющее отношения ни к страху, ни к желанию.

Масло.

Чертова эльфийская дрянь, которой её намазали, работала. Она чувствовала каждую царапину на своём теле, каждый шрам, каждый синяк — и в этом было странное, почти сладкое томление.

Каэлис улыбнулся шире.

— Вижу, вижу. Масло цветущей ивы — дорогая вещь. Оно не просто скрывает запахи. Оно заставляет тело хотеть. Само по себе. Без причины. Даже если мозг говорит «нет», кожа говорит «да».

Он отступил в темноту, и спустя мгновение клетка дёрнулась, её начали поднимать выше, к ветвям, к двум лунам, к этой дурацкой фиолетовой нити, разрезающей небо.

— Прощай, Анна, — донёсся снизу его голос. — Удачи тебе. Эльфы не любят людей, а те, кто любят, делают это слишком сильно. И это гораздо страшнее.

Клетка остановилась на высоте трёх человеческих ростов. Анна сжалась в комок, обхватив колени руками, и впервые за всё время позволила себе заплакать. Слезы были горячими и пахли мёдом, потому что даже их впитало в себя проклятое

масло.

Она плакала не от страха, а от того, что уже не понимала, кто она, а её тело — это чужое, избитое, натёртое сладкой дрянью тело — откликалось на прикосновение ветра, на скольжение ткани по коже, даже на собственные слёзы.

Оно хотело, наплевав на то, чего пытался хотеть разум.

Глава 2. Покупатель с холодными глазами

Аукцион начался с крика.

Не с удара молотка, не с барабана — с крика. Короткого, влажного, оборвавшегося так же внезапно, как и начался. Анна не видела, что происходило внизу, но звук этот ввинтился в неё, как сверло, и остался там, чтобы дрожать где-то под рёбрами.

Клетка раскачивалась. Каждое движение подвеса отзывалось на её коже новым прикосновением воздуха, и каждый раз тело вздрагивало, потому что масло цветущей ивы не высыхало. Оно жило, дышало и превращало обычный ветер в чьи-то пальцы, а шорох листьев — в чужой шёпот.

— Лот седьмой. Рабыня из южных болот. Умеет читать по звёздам...

— Лот девятый. Носительница старой крови. Бесплодна, но красива...

— Лот двенадцатый. Человек-самец. Годен для тяжёлой работы и...

Голос аукциониста — высокий, бесполой, похожий на пение флейты — перечислял товар равнодушно и сладко. Торг шёл на языке, которого Анна не знала, но каким-то образом понимала каждое слово. Новое тело знало этот язык. Новое

тело вообще знало много чего, что её старый мозг отказывался принимать.

«Полукровка», — сказал продавец.

Значит, где-то в жилах этой исхудавшей, в синяках, натёртой маслом девицы текла и эльфийская кровь. Достаточно, чтобы понимать их речь, но недостаточно, чтобы считаться своей.

— Лот семнадцать.

Анна вздрогнула.

Клетку дёрнули вниз — резко, так, что она стукнулась виском о прут. В глазах потемнело, а когда зрение вернулось, она увидела их.

Площадь. Круглую, вымощенную белым камнем, с высокими деревьями по краям. Ветви сплетались над головами в живой купол, сквозь который сочился свет двух лун. Внизу стояли эльфы — десятки, сотни эльфов — все такие же высокие, прямые, с глазами без белков.

Они смотрели на неё не как на человека, а как на вещь, которая вдруг зашевелилась. Как на книгу с вырванными страницами. Как на цветок, выросший на помойке — с отвращением и тайным любопытством одновременно.

— Полукровка женского пола, — голос аукциониста зазвучал громче. — Возраст — около восьмидесяти циклов по человеческому счёту. Сохранён человеческий цикл размножения. Годна для... специфических целей.

В толпе прошёлся шёпот. Анна уловила слово «грязь» и

слово «забава», а ещё одно слово, которое новое тело перевело как «сажающая пустоту». Она не поняла, что это значит, но от одного звука мурашки побежали по рукам.

Торг начался.

Кто-то назвал цену — мешок серебра. Другой — два. Третий — три и добавил что-то про «попробовать на развод». Каждый раз, когда называлась новая сумма, Анна чувствовала, как прутья клетки начинают светиться. Магия. Они проверяли её. Сканировали. Чужие ментальные щупы скользили по её телу, задерживаясь на груди, на бёдрах, на том месте между ног, которое до сих пор пульсировало от масла.

— Пять мешков.

Голос прозвучал слева, близко. Анна повернула голову и увидела его впервые.

Он стоял отдельно от других, ближе к помосту, и в нём не было той ленивой грации, которая делала остальных эльфов похожими на танцующих змей.

Он стоял прямо, почти жёстко, сложив руки на груди. Светлая кожа отливала голубизной в лунном свете. Волосы — белые, не седые, а именно белые, как первый снег, были стянуты в низкий узел, открывая уши: длинные, острые, с тонкой россыпью золотых колец по краю хряща.

Но главное — глаза.

У всех эльфов на площади глаза светились янтарём, медом, старым золотом. У него же они были цвета холодной стали — серые, почти белые, без единой искры тепла. И ко-

гда они встретились со взглядом Анны, она почувствовала то же, что чувствуешь, когда ныряешь в ледяную воду: перехватило дыхание, и всё внутри сжалось.

— Шесть мешков, — сказал кто-то справа.

— Семь.

— Десять.

Торг пошёл быстрее. Эльф с холодными глазами не повышал голоса, но каждый раз, когда кто-то перебивал его цену, он называл новую — на один мешок больше, не глядя на соперников.

— Двенадцать.

— Тринадцать.

— Пятнадцать.

Наступила тишина. Аукционист повторил цену трижды. Никто больше не поднял руки.

— Лот семнадцать продан, — пропела флейта. — Покупатель — Тириэль из дома Падающих Листьев.

Тириэль...

Анна попробовала его имя на вкус — слишком мягкое, слишком скользкое для её человеческого языка. Оно ассоциировалось с ледяной водой и чем-то старым, как корни тех деревьев, что росли над площадью.

Он не подошёл к клетке. Не улыбнулся. Не сделал того, чего она подсознательно ждала — не окинул её плотью оценивающим взглядом, не усмехнулся, не облизнулся. Вместо этого он повернулся и ушёл в темноту между деревьями, а

клетка дёрнулась и поплыла следом, будто её тянула невидимая нить.

Они двигались долго. Анна перестала считать время. Две луны сменили положение, фиолетовая нить в небе истончилась и исчезла, а затем впереди показался дом.

Он был живым.

Анна поняла это не сразу. Сначала она увидела стволы — огромные, в обхват десяти человек — которые росли не врозь, а вместе, сплетаясь в стены, перекрытия, арки. Между ними пульсировал тёплый золотистый свет, похожий на дыхание.

Когда клетка подплыла ближе, она поняла: свет идёт не от факелов. Он идёт от самой древесины. Дом дышал и жил. Открывал перед ними свои ветви, как руки, и закрывал за их спиной, как дверь.

Внутри было тепло и пахло сырой корой, мёдом и ещё чем-то — очень знакомым, очень старым, от чего внутри запыло пустое, голодное место.

Запах её собственной крови. Только в сотню раз слаще.

Клетка остановилась в круглом зале, посыпанном сухими листьями. Тириэль уже ждал там — стоял у стены, закинув одну руку за спину, и смотрел на неё так, будто она была не живым человеком, а чертежом, который предстояло расшифровать.

— Выйди, — скомандовал он.

Голос у него оказался низким, почти человеческим. Ни-

какого пения, никакой флейты. Просто звук — сухой и ровный, как шорох гравия под ногами.

Анна не пошевелилась. То ли от страха, то ли от упрямства.

Тириэль сделал шаг к клетке. Потом второй. На третьем он оказался так близко, что она увидела каждую трещинку на его губах, каждую светлую ресницу, каждый тонкий шрам на костяшках пальцев.

— Я сказал: выйди, — повторил он. — Или мне зайти за тобой?

Он не прикасался к прутьям. Вообще не прикасался ни к чему, но клетка — эта дурацкая деревянная клетка, скреплённая серебром — начала раскрываться, как цветок. Прутья расходились в стороны, не скрипя, не треща, а будто тая.

Опора под ногами Анны стал полом. Настоящим, твёрдым, из живого корня.

Она стояла перед ним — голая под рваной мешковиной, в синяках, с браслетами на запястьях, пахнущая мёдом и страхом — и чувствовала, как масло цветущей ивы продолжает свою работу. Её соски встали от холода, а может, не от холода. Между ног стало влажно, и она не могла это контролировать.

Тириэль медленно, очень медленно опустил взгляд.

Сначала на её губы. Потом на шею. Потом на ключицы, которые торчали слишком остро, потому что прошлая хозяйка не кормила свою игрушку. Потом на грудь, и здесь его

взгляд задержался на долю секунды дольше.

Он не улыбнулся. Не дрогнул. Ни один мускул на его лице не выдал ни интереса, ни отвращения.

— Разденься, — сказал он.

— Я... — Анна сглотнула, в горле пересохло. — Я уже почти раздета.

— Сними эту тряпку с себя.

Это был не приказ, а утверждение факта. Он не ждал, что она послушается, и не готовился наказывать за неповиновение, потому что он просто не рассматривал вариант, в котором она может сказать «нет».

Анна подумала о том, чтобы ударить его. Вцепиться в эти бледные глаза, расцарапать это белое лицо. Но тело не слушалось. Не потому, что боялось, а потому, что масло на коже при малейшем движении начинало петь, и каждое её собственное прикосновение к собственному телу отзывалось короткой, сладкой вспышкой где-то внизу живота.

Она стянула мешковину через голову.

Ткань упала на пол. Она осталась стоять перед ним совершенно голая — худая, в синяках, с длинными узловатыми пальцами и с браслетами, которые вдруг показались единственным, что её прикрывает.

Тириэль осмотрел её так, как осматривают сломанный инструмент — без стыда, без возбуждения и без жалости.

— Твоё тело было в употреблении, — сказал он. — И с ним обращались плохо.

— Спасибо, что заметили, — голос Анны прозвучал хрипло и зло. — Я в курсе.

Он поднял на неё глаза. Холодные. Серые. Белые.

— В этом доме с ним будут обращаться хорошо потому что оно мне нужно. А нужные вещи я содержу в порядке.

— Вещи, — повторила Анна. — Я — вещь?

— Ты — лот семнадцать, — сказал Тириэль. — Купленный за пятнадцать мешков серебра. И если ты думаешь, что здесь ты человек, то тебя ждёт жестокое разочарование.

Он повернулся и пошёл к выходу из зала, не оглядываясь. У самого прохода остановился и бросил через плечо:

— Завтра на заре я начну тебя учить. Постарайся не умереть до утра. Мне будет жаль потерять вложение.

Стена живой древесины сомкнулась за его спиной.

Анна осталась одна — голая, дрожащая, натёртая маслом, с влажными бёдрами и с сердцем, которое колотилось где-то в горле.

Она опустилась на колени прямо на сухие листья, обхватила себя руками и почувствовала, как пальцы — её собственные пальцы на её собственной новой груди — вызывают ещё одну короткую, постыдную вспышку там, внизу.

Масло продолжало петь, и тело, предавшее её в первый раз, готовилось предать во второй.

Глава 3. Светящаяся пыльца

Она не умерла до утра.

Но была близка к этому — не от голода, не от ран, а от того, что масло цветущей ивы не выветривалось. Оно въелось в поры, смешалось с потом, с кровью из расцарапанного плеча, которое Анна поранила, пытаясь содрать эту субстанцию с себя, и теперь жило внутри неё, как второй слой кожи.

Анна не спала. Всю ночь она сидела на коленях в зале из живого дерева, обхватив себя руками, и чувствовала, как тело вибрирует. Буквально вибрирует — где-то на грани слышимости, как струна, на которую давят пальцем, но не отпускают. Каждый вдох отдавался пульсацией в сосках. Каждый выдох — коротким спазмом между ног.

К утру она научилась не двигаться.

Застыла, как каменное изваяние, и в этой неподвижности нашла странное, почти медитативное облегчение. Если не шевелиться — масло не поёт. Если не дышать слишком глубоко — тело не просит.

Она сидела и ждала.

Рассвет в этом мире был не золотым, а розовым. Свет сочился сквозь живые стены, окрашивая листья на полу в цвет сырого мяса, а когда первые лучи коснулись её кожи, масло вдруг перестало петь. Просто — раз — и тишина.

Анна выдохнула так глубоко, как не дышала всю ночь.

— Ты жива, — раздалось сбоку. — Удивительно.

Тириэль стоял в проходе, прислонившись плечом к стволу. На нём не было вчерашней тёмной одежды — только тонкая льняная рубашка, распахнутая на груди, и штаны из грубой кожи. Волосы распущены, белые, падают на плечи. Без узла, без колец в ушах он выглядел почти человеком.

Почти.

Глаза всё так же отливали холодной сталью.

— Ты знаешь, — сказал он, подходя ближе, — масло цветущей ивы убивает большинство полукровок за первую ночь. Не отравой. Желанием. Они просто... не выдерживают. Сердце останавливается на пике.

— Спасибо, что предупредил, — прошептала Анна. Губы ее треснули, во рту пересохло.

— Я не предупреждаю, а констатирую. — Он остановился в трёх шагах от неё, скрестил руки на груди. — Твоё тело оказалось сильнее, чем я думал. Это хорошо. Плохое тело не стоит того времени, которое я на него потрачу.

Он щёлкнул пальцами.

Откуда-то из-под пола, из живых корней, выползла плоская деревянная миска с водой и горсть каких-то тёмных ягод. Анна смотрела на еду, как зверёк, который забыл, что можно не только бояться, но и есть.

— Можешь взять, — разрешил Тириэль. — Я не травлю рабов. Отравленный раб — бесполезный раб.

— Я не рабыня, — сказала Анна, но ягоды уже были у неё

во рту. Сладкие, терпкие, с горьковатым послевкусием. Вода — холодная, чистая, пахнувшая мятой.

— Ты — рабыня, — поправил он спокойно. — Разница лишь в том, что большинство рабов здесь умирают от скуки, а ты умрёшь от чего-то другого, если не научишься слушаться.

Он подождал, пока она допьёт воду, потом сел на корточки напротив — так, что их глаза оказались на одном уровне.

Вблизи его лицо было не просто красивым. Оно было выточенным, словно кто-то с большой осторожностью и большой жестокостью вырезал каждую скулу, каждую линию челюсти из куска белого дерева.

— Слушай внимательно, — сказал Тириэль. — От того, что я сейчас скажу, зависит, сколько ты проживёшь. Возможно, месяц. Возможно, год. Возможно, всю жизнь, если повезёт.

Он вытянул руку ладонью вверх, и между пальцами замерцало — сначала просто воздух, дрожащий как марево над горячей землёй, потом что-то более плотное, золотистое, живое.

Пыльца.

Она струилась из его кожи, как дым из тлеющей ветки, и собиралась над ладонью в крошечное сияющее облачко.

— Это — светящаяся пыльца, — сказал Тириэль. — У эльфов она рождается в моменты истинного счастья. Или истинной боли. Или истинного наслаждения. Мы не различаем

эти три вещи.

Облачко поднялось выше и рассыпалось на сотню мелких искр, каждая из которых горела ровным тёплым светом.

— Когда полукровка вроде тебя оказывается в эльфийском мире без защиты, её тело начинает угасать. Медленно. Неделя за неделей. Сначала пропадает аппетит. Потом — сон. Потом — желание жить. Через лунный цикл сердце останавливается.

— Звучит как... — Анна запнулась, подбирая слово. — Как проклятие.

— Как природа, — поправил Тириэль. — Вы, люди, дышите воздухом. Мы дышим пылью. Твоя человеческая половина не умеет её создавать, а твоя эльфийская половина не умеет без неё жить, поэтому ты умрёшь. Если только кто-то не будет давать тебе пыльцу извне.

Облачко над его ладонью сгустилось, стало плотнее, и Анна почувствовала запах. Сладкий, но не приторный, а тягучий, как карамель, с нотками корицы и ещё чего-то острого, похожего на гвоздику.

Запах ударил в ноздри и сразу отозвался в теле. Масло цветущей ивы, которое к утру затихло, вдруг проснулось с новой силой. Промежность стала влажной, соски — твёрдыми, а в животе завязался тугой, горячий узел.

— Прекрати, — выдохнула Анна.

— Не могу, — ответил Тириэль без тени улыбки. — Пыльца не подчиняется приказам. Она подчиняется чувствам.

— Твоим чувствам?

— Моим. И твоим тоже. — Он сжал пальцы, и облачко исчезло. Запах пропал. Тело Анны перестало дрожать, но горячий, липкий, требовательный осадок остался. — Чтобы дать тебе пыльцу, я должен чувствовать. А чтобы я чувствовал, ты должна чувствовать. Мы связаны теперь, лот семнадцать. Твоё тело откликается на моё. Моё — на твоё.

— Я не просила об этой связи.

— Я тоже. — Его голос стал жёстче. — Но мой дом, моя земля, моя магия требуют от меня содержать то, что я купил. Если ты умрёшь, пыльца не вернётся ко мне. Она уйдёт в землю. А земля моего дома и так слишком голодна.

Он встал, отряхнул колени и отошёл к стене. Свет розового утра делал его тень длинной и острой, как лезвие.

— За лунный цикл ты должна получить три вспышки пыльцы. Достаточно сильные, чтобы твоё тело научилось дышать само. Если получишь — ошейник упадёт. Если нет — сердце остановится.

— Три вспышки чего? — переспросила Анна, хотя уже догадывалась.

— Ты знаешь, — ответил Тириэль. — Твоё тело знает. Ты провела всю ночь на грани одной из них. Масло цветущей ивы — это дешёвый, грубый заменитель. Светящаяся пыльца — чистое наслаждение. Оно не сжигает и не убивает. Оно заставляет жить.

Он помолчал.

— Но есть одна сложность.

— Конечно, есть, — прошептала Анна. — Какая?

— Эльфы не испытывают желания так, как люди, — сказал Тириэль. — Мы не берём. Мы принимаем. Мы не трогаем. Мы позволяем себя коснуться. Для нас близость — это магия, а не плоть. А ты — человек. Твоё тело хочет грубо, громко, по-звериному. И если ты навяжешь мне это своё хотение — связь порвётся. Ты умрёшь. Я останусь без части себя. Навсегда.

Он повернулся к ней лицом, и в серых глазах впервые мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Поэтому я буду тебя учить. Не тому, как нравиться эльфам, а тому, как не умереть от собственной природы. Ты должна научиться чувствовать по-нашему. Тихо. Глубоко. Без прикосновений.

— А если я не смогу?

Тириэль посмотрел на неё долго, очень долго, а потом сказал тихо, почти ласково, и от этой ласковости стало страшнее, чем от любого крика:

— Тогда ты умрёшь. А я буду смотреть и ничего не почувствую.

Он вышел из зала так же бесшумно, как вошёл.

Анна осталась сидеть на полу, в розовом рассветном свете, с мокрыми от воды губами и с телом, которое уже начало отсчёт.

Тридцать дней.

Три вспышки.

Она не знала, сможет ли ненавидеть его достаточно сильно, чтобы не захотеть. И боялась, что ответ — «нет».

Глава 4. Первая песня

Три дня он не приходил.

Анна считала их по свету — розовому на рассвете, белому в полдень, синему перед сном. Дом из живого дерева кормил её сам: из стен вырастали ягоды, орехи, тонкие лепёшки из коры, которые хрустели на зубах и пахли мёдом. Из пола бил родник — холодный, с привкусом железа.

Она ела, потому что тело хотело жить. Даже когда разум говорил: «А зачем?»

На четвёртый день масло цветущей ивы наконец выветрилось. Анна почувствовала это как облегчение, но и как потерю. Без этого сладкого, тянущего фона внутри стало пусто. Тело замолчало. Перестало вибрировать. Перестало просить.

Она впервые за все дни нормально выдохнула.

А потом поняла, что пустота — не лучше. В пустоте остались только страх и злость. И ещё одно, самое страшное — одиночество. Не то, к которому она привыкла в своей прошлой жизни, когда можно было включить сериал или позвонить подруге. А настоящее. Древнее. То, от которого у первобытных людей стыла кровь в жилах.

Здесь не было никого. Только деревья, которые дышали, стены, которые пульсировали, и тишина — такая плотная, что она давила на уши.

На пятый день Тириэль пришёл.

Анна спала на куче сухих листьев, которые натаскала в угол зала. Спала тревожно, вполглаза, и слышала его шаги за секунду до того, как он вошёл — лёгкие, почти неслышные, но воздух перед ним менялся. Становился плотнее. Холоднее.

— Вставай, — сказал он.

Она не открыла глаз. Может быть, если притвориться спящей, он уйдёт. Может быть, если не двигаться, этот кошмар рассыплется, как утренний туман.

— Я знаю, что ты не спишь, лот семнадцать. Твои ресницы дрожат.

Анна открыла глаза.

Он стоял в трёх шагах, одетый во всё чёрное — мягкая кожа, глухой ворот, рукава стянуты у запястий. Волосы снова собраны в узел, открывая уши с золотыми кольцами. Сегодня они казались длиннее. Или ей просто казалось.

— Сегодня первый урок, — сказал Тириэль. — Ты будешь слушать.

— Я и так тебя слушаю, — огрызнулась Анна, садясь, и листья посыпались с плеч. — Третий день подряд ты мне снишься. Кошмары такие, знаешь ли, однообразные.

Он не отреагировал на шутку. Вообще никак.

— Слушать — это не значит слышать слова, — сказал он. — Слушать — значит раствориться в звуке. Забыть, где твоё тело. Забыть, где заканчиваешься ты, и начинается лес.

— Звучит как инструкция к самоубийству.

— Звучит как единственный способ выжить.

Он подошёл ближе, сел на корточки напротив — так же, как в прошлый раз, когда объяснял про пыльцу.

Анна заметила, что он никогда не садится на пол. Только на корточки. Словно даже расслабление для него — это поза готовности к бою.

— Твоя первая вспышка должна случиться через десять дней, — сказал он. — Если пропустим срок, вторую будет вызывать сложнее, третью — почти невозможно. А потом ты умрёшь. Поэтому мы начнём сейчас.

— С чего?

— С песни.

Анна замерла.

Она ожидала чего угодно — прикосновений, приказов, может быть, даже боли. Но не песни. Никогда в жизни она не думала, что слово «песня» может звучать так угрожающе.

— Какой ещё песни?

— Древней, — сказал Тириэль. — Той, которой лес учит своих детей. Той, что заставляет пыльцу подниматься из земли. Той, от которой ваши, человеческие женщины, теряют рассудок.

— Звучит как... — она запнулась.

— Как оружие? — закончил за неё Тириэль. — Да. В моих руках это оружие. Но сейчас я не направляю его против тебя. Я направляю его в тебя. Разница небольшая, но она есть.

Он выпрямился, отошёл на пять шагов и сел на низкий корень, выступающий из стены. Спина прямая, руки на коленях, глаза закрыты.

— Не двигайся, — сказал он. — Не говори. Не пытайся ничего чувствовать. Просто слушай.

Анна хотела сказать, что она не собачка, чтобы слушать по команде, но слова застряли в горле, потому что Тириэль начал петь.

Это был не голос. Во всяком случае, не тот голос, которым он говорил с ней — сухим, ровным, почти мёртвым. Это было что-то другое. Ткань, сотканная из вибраций. Струна, натянутая между небом и землёй. Звук, который не входил в уши, а просачивался сквозь кожу, сквозь кости, сквозь ту маленькую, испуганную часть её мозга, которая ещё помнила, что она — человек.

Первый звук ударил в солнечное сплетение.

Анна согнулась пополам, как от удара, но не от боли, а от того, что внутри неё вдруг распустилось что-то огромное, тёплое, живое. Это не было похоже на масло цветущей ивы — грубое, химическое, насильственное. Это было похоже на первый весенний день после долгой зимы. На запах дождя по сухой земле. На момент, когда понимаешь, что влюбилась — за секунду до того, как признаться себе в этом.

Тириэль пел на языке, которого она не знала, но понимала каждое слово.

«...Там, где корни встречаются с камнем,

*Там, где влага встречается с огнём,
Там, где ты перестаёшь быть собой —
Начинается всё...»*

Второй звук ударил ниже — в живот. Анна почувствовала, как мышцы там сжались сами собой, как при оргазме, но оргазма не было. Был только подъём. Бесконечный, мучительный подъём на гору, вершины которой не было видно.

Она вцепилась пальцами в листья под собой, чтобы не упасть.

— Перестань, — выдохнула она. — Пожалуйста.

Тириэль не слышал. Или не хотел слышать. Он пел, и его голос становился глубже, темнее, гуще. Свет в зале поменялся — золотистые прожилки на стенах начали пульсировать в такт мелодии. Воздух стал тяжёлым, влажным, он ложился на кожу, как чужое дыхание.

*«...Открой рот,
Выпусти страх,
Впусти меня...»*

Третий звук вошёл в неё между ног, и Анна вскрикнула.

Не от боли, а от невозможности терпеть. Её тело выгнулось дугой — спина оторвалась от земли, бёдра сжались, голова запрокинулась назад. Она не хотела этого. Она вообще ничего не хотела в этот момент — мозг отключился, осталась только плоть, горячая, влажная, живущая по своим собственным законам.

Браслеты на запястьях засветились тусклым серебром.

Тириэль открыл глаза.

Он смотрел на неё — на её выгнутую спину, на разметавшиеся по листьям волосы, на пальцы, вцепившиеся в землю, — и в его взгляде не было ничего. Ни страсти. Ни жестокости. Только холодное, бесконечное терпение хирурга, который знает, что пациент выживет, если сейчас не отступить.

Он запел громче.

И Анна сломалась.

Это не было похоже на оргазм в её прошлой жизни — быстрый, жадный, оставляющий после себя пустоту и иногда стыд.

Это было похоже на смерть. Маленькую, уютную смерть, в которой исчезают границы. Где ты перестаёшь понимать, где заканчиваются твои пальцы и начинаются листья под ними. Где твоё дыхание становится дыханием леса, а лес — твоим телом.

Волна шла откуда-то из позвоночника, поднималась вверх, разливалась по затылку, по губам, по кончикам пальцев, а потом обрушивалась вниз — и там, внизу, взрывалась тысячей золотистых искр.

Анна закричала.

Не имя. Не слово. Просто звук — чистый, животный, тот, которым кричат в момент, когда правда становится невыносимой.

Искры вылетели из её кожи — золотистые, тёплые, они поднялись в воздух и закружились вокруг неё, как светляч-

ки. Светящаяся пыльца. Её собственная. Первая.

Тириэль замолчал.

Тишина ударила по ушам так же больно, как за мгновение до этого — звук. Анна лежала на спине, тяжело дыша, и смотрела в потолок из живых ветвей. Пыльца медленно оседала на её груди, на животе, на бёдрах, и в тех местах, куда она падала, кожа становилась горячей, чувствительной, почти прозрачной.

— Одна, — сказал Тириэль.

Анна повернула голову. Он не сдвинулся с места. Сидел на корне, руки на коленях, и смотрел на неё всё тем же холодным, изучающим взглядом.

— Что — одна? — прошептала Анна. Голос ее сел, сорвался.

— Первая вспышка. — Он кивнул на золотистые искры, которые всё ещё танцевали в воздухе. — Ты получила её раньше срока. Это хорошо. Твоё тело оказалось чувствительнее, чем я думал.

— Это... — Анна попыталась сесть и не смогла, потому что ноги не держали, а всё тело было ватным, чужим, истерзанным неизвестно чем. — Это было... ты не предупредил.

— Если бы я предупредил, ты бы сопротивлялась. — Тириэль встал. — А сопротивление блокирует пыльцу. Ты должна была расслабиться полностью. Я дал тебе для этого песню.

— Ты дал мне... — она хотела сказать «ты дал мне кон-

чить», но язык не повернулся. — Ты использовал меня.

— Я спас тебе жизнь, — поправил он. — Сегодня — первую из трёх. Осталось две.

Он пошёл к выходу, но на полпути остановился и обернулся. Свет золотистых прожилок падал на его лицо, делая его ещё более чужим, ещё более прекрасным и пугающим.

— Лот семнадцать, — сказал он. — У тебя есть имя?

— Анна, — прошептала она.

— Анна, — повторил он, и в его устах это имя прозвучало так же, как звучала песня — тягуче, глубоко, с намёком на что-то, что она не могла расшифровать. — Отдыхай. Завтра будет второй урок. Он сложнее.

— Что может быть сложнее, чем кончить от голоса?

Тириэль посмотрел на неё, и в уголках его губ мелькнуло что-то, отдалённо похожее на усмешку.

— Завтра ты узнаешь, что такое нить ветра. И почему наши женщины не выходят замуж за тех, кто не умеет петь.

Эльф ушёл, а Анна осталась лежать на листьях, окружённая золотистыми искрами, которые всё ещё не гасли.

Она подняла руку, и одна искра опустилась на подушечку указательного пальца — горячая, живая, пульсирующая в такт её собственному сердцу.

— Одна, — прошептала она. — Осталось две.

И впервые за пять дней она улыбнулась. Зло. Растерянно. И чуть-чуть — самую капельку — согласно.

Глава 5. Прикосновение издалека

Она проснулась от того, что лес дышал ей в затылок.

Не ветер — сам лес. Тёплый, влажный выдох сквозь стены из живой древесины, пахнувший корой, мёдом и чем-то сладковато-гнилым, как перезревшие фрукты. Анна лежала неподвижно и чувствовала, как этот выдох скользит по шее, по позвоночнику, по ягодицам — и в тех местах, где воздух касался кожи, оставались следы. Невидимые. Горячие.

Вчерашняя пыльца впиталась в поры. Анна знала это, потому что тело изменилось. Оно стало легче. Чувствительнее. Когда она провела ладонью по собственному бедру, ей показалось, что она трогает не кожу, а что-то более живое — мокрый шёлк, лепесток, только что раскрывшийся на солнце.

Она села. Листья посыпались с плеч. Сквозь стены пробивался синий предрассветный свет — значит, до рассвета ещё около часа.

Тириэль вошёл без стука. Как всегда.

Сегодня он был без рубашки.

Анна не успела отвернуться. Не успела прикрыться, потому что прикрываться было нечем, спала она голая, и вчера ей было всё равно, а сегодня вдруг стало не всё равно. Тело, которое вчера принадлежало только ей, сегодня вдруг стало... наблюдаемым.

Он нёс в руках свёрток из тёмной ткани и смотрел пря-

мо на неё — на её грудь, на живот, на бёдра — с тем же холодным, изучающим выражением, с каким рассматривал бы карту перед битвой.

— Надень это, — сказал он, кинув свёрток на листья. — Сегодняшний урок требует, чтобы ты была одета. Частично.

— Частично? — переспросила Анна, разворачивая ткань.

Это оказалось платье. Если это можно было назвать платьем. Тонкое, почти прозрачное, цвета молодой листвы, оно состояло из двух длинных полотнищ, скреплённых на плечах серебряными пряжками. Ни пояса. Ни застёжек на груди. Ничего, что могло бы скрыть то, что достойная женщина привыкла скрывать.

— Это издевательство? — спросила она.

— Это необходимость, — ответил Тириэль, отвернувшись к стене. — Нить ветра требует, чтобы между твоей кожей и воздухом было как можно меньше преград. Но полностью голая ты будешь отвлекаться. На себя. На меня. Это платье — компромисс.

Анна натянула ткань через голову. Та скользнула по телу, как вода — холодная, гладкая, неприлично лёгкая. Сквозь неё было видно всё. Соски. Рёбра. Тёмный треугольник внизу живота. Она почувствовала, как щёки заливают жаром.

— Готово, — сказала она сквозь зубы.

Тириэль повернулся. Окинул её взглядом — долгим, медленным, от ключиц до колен. Его лицо ничего не выражало.

— Сядь в центр зала, — сказал он. — Ноги скрести. Руки

на колени. Ладони вверх.

— Как на медитации?

— Как на казни, — поправил он. — Разница только в том, кто будет палачом.

Она села. Ладони вверх. Ноги скрещены. Ткань платья собралась в складки на бёдрах, открывая их почти полностью.

Анна смотрела прямо перед собой, стараясь не дышать слишком глубоко, потому что каждый глубокий вдох поднимал грудь, а это делало верхнюю часть платья ещё более прозрачным.

Тириэль сел напротив. В трёх шагах. Тоже на пол — впервые. Ноги скрещены. Руки на коленях. Ладони вверх.

— Нить ветра — это древнейшая из наших искусств, — сказал он. — Люди называют её магией прикосновения. Это неправильно. Нить ветра не прикасается. Она предлагает и принимает ответ.

Он поднял правую руку и медленно, очень медленно провёл ею в воздухе — от своего сердца к её сердцу. Расстояние между ними не изменилось, но Анна почувствовала тонкую, едва уловимую вибрацию. Как будто кто-то провёл пальцем по воздуху между ними, и воздух этот стал плотным, тягучим, как шёлк.

— Сосредоточься на своей груди, — сказал Тириэль. — На левой. Чувствуешь?

Она не хотела чувствовать, но тело уже откликнулось: левый сосок затвердел, и ткань платья обозначила это с непри-

личной отчётливостью.

— Да, — прошептала Анна.

— Это не я, — сказал Тириэль. — Это ты. Нить ветра только усиливает то, что уже есть. Она не создаёт желание, а пробуждает его.

Его пальцы шевельнулись в воздухе, и вибрация переместилась ниже. На живот. На то место, где под тонкой тканью платья кожа уже начала гореть.

— Сегодня ты научишься управлять нитью сама, — сказал он. — Я буду вести. Ты — повторять. И ты не будешь касаться себя руками.

— Как я могу коснуться себя без рук?

— А вот сейчас узнаешь.

Он сделал движение — плавное, круговое, похожее на то, как гладят воду, чтобы разогнать рябь. И в тот же момент Анна почувствовала, как что-то горячее и лёгкое одновременно обвилось вокруг её правого запястья. Невидимое. Неосязаемое. Но абсолютно реальное.

— Это нить, — сказал Тириэль. — Она идёт от моих пальцев к твоей коже. Через неё я чувствую тебя. Через неё ты можешь чувствовать себя. Сейчас я отпущу её. Ты поймаешь и проведёшь там, куда я скажу.

Он разжал пальцы, и вибрация исчезла. Анна осталась сидеть с поднятой рукой, чувствуя только пустоту там, где только что было тепло.

— Поймай, — повторил он.

— Как? Я не...

— Не думай. Чувствуй. Где сейчас твоё тело хочет, чтобы его коснулись?

Анна замерла. Вопрос ударил в то место, о котором она старалась не думать. Тело хотело. Оно хотело всё время — с того самого момента, как масло цветущей ивы впиталось в кожу, как первая пыльца взорвалась под рёбрами, как она лежала на листьях и смотрела, как золотистые искры оседают на животе.

Оно хотело прямо сейчас.

— Не стыдись, — сказал Тириэль тихо. — Стыд — это стена, а стены не проводят нить.

Анна закрыла глаза.

Она представила, что её тело — это карта. Горячая карта, на которой одни места горели ярче других. Шея. Внутренняя сторона бёдер. И там, между ног, где платье уже промокло насквозь, потому что тело не умело врать.

Она протянула руку — не физическую, а ту, другую, о которой даже не знала, и поймала.

Нить пришла сама. Тонкая, тёплая, она легла в её воображаемую ладонь, как доверчивая змея. Анна ахнула, потому что в тот же момент почувствовала свою собственную грудь. Своими пальцами, которые на самом деле не двигались.

— Хорошо, — сказал Тириэль, и его голос звучал откуда-то издалека, сквозь вату. — Теперь проведи нитью по левому соску. Медленно. Круговыми движениями.

Анна сделала, как он сказал, и чуть не закричала.

Ощущение было таким, будто она ласкает себя сама, но в десять раз острее. Каждый миллиметр кожи отзывался вспышкой, каждая клетка тела пела. Она чувствовала, как сосок твердеет под невидимым прикосновением, как тепло растекается по груди, как второй сосок начинает ныть от нетерпения: коснись и меня, коснись!

— Не торопись, — голос Тириэля стал тише, почти шёпотом. — Нить любит медленность. Она хочет, чтобы ты чувствовала каждый миг.

— Почему... — Анна с трудом разлепила губы, — почему ты не... не делаешь это сам?

— Потому что тогда ты не научишься. — Пауза. — И потому, что если я сейчас возьму нить в свои руки, всё закончится за десять секунд, а мне нужно, чтобы ты продержалась час.

Анна открыла глаза.

Тириэль сидел напротив, и впервые она увидела на его лице не холод, не скуку и не терпение хирурга, а напряжение. Жилы на шее вздулись. Пальцы, лежащие на коленях и слегка дрожали.

Он тоже чувствовал. Через нить. Всё, что чувствовала она.

— Продолжай, — сказал он хрипло. — Спускайся ниже. Живот.

Она провела нитью по животу — по впадине между рёб-

рами, по дорожке тёмных волос, которая уходила вниз, под ткань.

Каждое движение отдавалось пульсацией в клиторе. Там, внизу, стало мокро настолько, что платье прилипло к коже, и это прикосновение мокрой ткани само по себе было почти невыносимым.

— Ниже, — приказал Тириэль.

— Я не могу, — выдохнула Анна. — Если я пойду ниже, я...

— Кончишь, — закончил он. — Знаю. Поэтому ты остановишься за мгновение до этого и удержишь нить на грани.

— Зачем?

— Чтобы понять, что удовольствие — это не только пик. Удовольствие — это сам подъём. И чем дольше ты идёшь вверх, тем выше будет вершина.

Она ненавидела его за эти слова. Ненавидела за то, что они были правдой. Ненавидела за то, что её тело слушалось его голоса больше, чем её собственной воли.

Нить скользнула ниже. Коснулась клитора через ткань, и Анна закусила губу до крови.

— Остановись, — сказал Тириэль.

Она остановилась. Рука, державшая нить, замерла в миллиметре от пика. Тело дрожало крупной дрожью. Слёзы — от напряжения, от злости, от невыносимого «почти» — текли по щекам.

— Хорошо, — сказал Тириэль. — Отпусти нить.

— Не могу, — прошептала она. — Она не отпускает меня.
— Может. Просто разожми пальцы.

Анна представила, как разжимает воображаемую ладонь. Нить выскользнула, свернулась и исчезла. Тело осталось на грани — дрожащее, пульсирующее, голодное.

Тириэль встал. Подошёл к ней. Наклонился и взял её за подбородок — впервые коснулся кожи. Его пальцы были холодными, как лёд, и от этого контраста Анна чуть не закричала снова.

— Ты продержалась пятнадцать минут, — сказал он. — В следующий раз будет полчаса. Потом час. К концу цикла ты сможешь водить нить часами, не кончая. И тогда третья вспышка будет такой, какой не было ни у одной полукровки за последние сто лет.

Он отпустил её лицо, повернулся и пошёл к выходу.

— Тириэль, — окликнула она, и эльф остановился, не оборачиваясь.

— Ты дрожал, — сказала Анна. — Когда я вела нить. Ты дрожал.

Молчание. Долгое, тяжёлое.

— Нить связывает двоих, — сказал он наконец. — Что чувствует один, отзывается в другом. Я не железный, лот семнадцать. У меня тоже есть тело.

— И что оно чувствовало?

Он обернулся. В серых глазах горело что-то тёмное, опасное, то, что она пока не умела читать.

— Оно чувствовало, — сказал он медленно, — что если я не уйду сейчас, то через минуту порву это дурацкое платье и войду в тебя так, как эльфы не входят в женщин уже тысячу лет. А потом ты умрёшь. И я умру вместе с тобой, потому что магия моего дома не переживёт такого насилия.

Он ушёл.

Анна осталась сидеть на листьях, в мокром прозрачном платье, с телом, которое всё ещё дрожало на грани, и с одной мыслью, от которой кровь прилиwała к щекам быстрее, чем от любой нити.

Он хотел её.

Не как рабыню. Не как лот семнадцать, а как женщину.

И это было страшнее, чем любая магия.

Глава 6. Лунная баня

Она не спала эту ночь.

Не потому, что боялась, а потому, что тело отказывалось засыпать. Оно всё ещё было там, на грани, с зажатой в кулаке невидимой нитью, с пульсацией там, где нить коснулась и замерла. Анна лежала на спине, смотрела в потолок из живых ветвей и считала золотистые прожилки.

Семнадцать. Сорок три. Восемьдесят девять...

Каждый раз, когда она закрывала глаза, перед внутренним взором вставало его лицо. Не холодное, не маска, а то, другое, которое мелькнуло на секунду перед уходом. С жилами на шее, с дрожащими пальцами, с глазами, в которых горело то, что он называл «насилием», а она назвала бы «желанием», если бы не боялась этого слова.

Под утро она провалилась в тяжёлый сон без сновидений, а проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо.

— Вставай, — сказал Тириэль. — Сегодня баня.

Анна села, протирая глаза. Сквозь стены пробивался белый свет — полдень. Она проспала почти шесть часов.

— Баня? — переспросила она хрипло. — У эльфов есть бани?

— У эльфов есть всё, — ответил он. — Просто не всё называется так, как у людей.

Он ждал, пока она встанет, и пошёл вперёд, не оглядыва-

ясь. Анна потянулась было за вчерашним платьем, но Тириэль сказал, не оборачиваясь:

— Оставь. В бане одежда не нужна.

Она замерла с тканью в руках. Потом медленно положила её обратно на листья.

Они шли по живому коридору — стены пульсировали, пол под ногами был тёплым и упругим, как плоть. Воздух становился всё влажнее, тяжелее, пахнувший сначала сырой корой, потом мятой, потом чем-то пряным, похожим на имбирь.

Анна шла за Тириэлем, стараясь не смотреть на его спину — широкие плечи, позвонки, выступающие под тонкой кожей, поясница, уходящая в штаны из мягкой кожи.

Она смотрела. И ненавидела себя за это.

Коридор вывел в круглую пещеру. Не из камня — из корней. Огромные, переплетённые корни образовывали купол над головой, а сквозь щели между ними сочился дневной свет, разбиваясь на тысячи зелёных и золотых бликов.

В центре пещеры был бассейн. Неглубокий, выложенный гладкой галькой, с водой такого цвета, будто в неё выжали весь лунный свет сразу — молочно-белую, мерцающую, живую.

— Это здесь, — сказал Тириэль, стягивая через голову рубашку.

Анна смотрела, как его тело открывается слоями — сначала плечи, потом грудь, гладкая, без единого волоска, с твёрдыми, как галька, сосками, потом живот, расчерченный тон-

кими линиями мышц, потом...

Она отвернулась.

— Стыднешься? — Голос Тириэля звучал ровно, но в нём проскользнуло что-то, отдалённо похожее на усмешку. — После того, как вчера ты водила нитью по собственному телу на моих глазах?

— Это было другое, — сказала Анна в стену.

— Чем?

— Тем, что я не видела тебя.

Молчание. Потом шорох ткани — он снял штаны. Анна зажмурилась.

— В бане не смотрят, — сказал Тириэль. — В бане чувствуют. Иди за мной.

Она услышала всплеск воды. Тёплый, влажный звук, от которого у неё внутри что-то сжалось. Она открыла глаза — Тириэль уже сидел в бассейне, вода доходила ему до груди. Он откинулся на корни, закрыл глаза и, казалось, не обращал на неё никакого внимания.

— Иди, — повторил он. — Или мне выйти и занести тебя?

Анна стояла голая под зелёными бликами, чувствуя, как воздух касается каждого миллиметра кожи, и — странное дело — стыд куда-то ушёл. Осталась только тяжесть внизу живота и любопытство. Больное, запретное любопытство.

Она вошла в воду.

Тепло охватило её сразу — не обжигающее, не парное, а ровное, живое, как объятие. Вода была гуще, чем обычная,

она облепляла кожу, как шёлк, и в ней чувствовалось движение — словно тысячи крошечных нитей скользили по телу, лаская, массируя, пробуждая.

— Это не просто вода, — сказал Тириэль, не открывая глаз. — Это лунный настой. Собирают семь ночей, выпаривают на корнях древней ивы. Он снимает усталость и открывает поры для пылицы.

Анна села напротив него, на другой край бассейна. Вода доходила ей до ключиц. Сквозь молочную белизну она видела собственное тело — искажённое, призрачное, но своё.

— Сегодня ты получишь вторую вспышку, — сказал Тириэль. — А может быть, и третью. Вода поможет. Она уже помогает.

Анна почувствовала это спустя секунду. Тепло, которое раньше было просто приятным, вдруг стало острым. Оно собиралось в тех же местах, что и вчера — в груди, в животе, между ног — но теперь без всякой нити, без его голоса, само по себе.

— Что происходит? — спросила она тревожно.

— Лунный настой содержит пылицу, — сказал Тириэль. — Очень мало, рассеянную. Её недостаточно, чтобы дать вспышку, но достаточно, чтобы разогреть тело. Сейчас ты чувствуешь то же, что чувствуют наши женщины перед ритуалом.

— Перед каким ритуалом?

Он открыл глаза. Серые, холодные — но в них уже не бы-

ло вчерашнего напряжения. Только спокойная, тяжёлая решимость.

— Перед тем, как их мужья поют им песню слияния.

Он поднял руку над водой. Пальцы дрогнули, и вода вокруг них засветилась. Бледно-голубым, потом золотым, потом розовым. Нить ветра, только не в воздухе, а в воде. Она пошла от его пальцев к её телу, и Анна почувствовала её сразу — не как прикосновение, а как присутствие. Кто-то был внутри неё. Не физически. Ментально. Тепло, которое только что было рассеянным, вдруг собралось в тугий комок у основания позвоночника.

— Не сопротивляйся, — сказал Тириэль. — Сегодня не надо останавливаться на грани. Сегодня ты должна упасть. Три раза. Вода поймает тебя.

— Три раза подряд? — прошептала Анна.

— Три раза подряд, — подтвердил он. — Это единственный способ насытить тело пылью настолько, чтобы оно запомнило, как это делается само.

Он шевельнул пальцами, и комок у основания позвоночника взорвался.

Первая волна пришла неожиданно. Анна не успела ни вдохнуть, ни закричать — она просто сломалась.

Тело выгнулось дугой, голова ушла под воду, но ей было всё равно, потому что внутри неё взрывалось солнце. Маленькое, личное солнце, которое светило откуда-то из живота и разливалось по венам жидким золотом.

Она кончала долго. Дольше, чем когда-либо в прошлой жизни. Волна шла за волной, каждая следующая сильнее предыдущей, и когда она уже думала, что это конец, вода вокруг неё засветилась, и всё началось заново.

Тириэль держал нить. Он не двигался, не пел, даже не дышал, кажется, просто сидел неподвижно, с поднятой рукой, и смотрел, как её тело бьётся в агонии наслаждения.

Когда первая волна схлынула, Анна вынырнула, хватая ртом воздух. Слезы смешались с водой. Всё тело дрожало.

— Одна, — сказал Тириэль.

— Я... я не могу вторую. Слишком много.

— Можешь. Вода не даст тебе умереть.

Он шевельнул пальцами снова, и нить вошла в неё глубже. Туда, где после первой вспышки осталась горячая, пульсирующая пустота.

Анна закричала — не от боли, от невозможности терпеть эту полноту. Ей казалось, что её растягивают изнутри, что тело становится больше, чем оно есть, что кожа вот-вот лопнет по швам.

Вторая волна была другой. Не взрывом, а подъёмом. Бесконечным, медленным подъёмом на гору, вершины которой не было видно.

Она чувствовала каждый миллиметр этого подъёма — как тепло поднимается от пальцев ног к коленям, от коленей к бёдрам, от бёдер к животу, от живота к груди, от груди к горлу. И когда оно достигло горла, она запела.

Не словами. Не мелодией. Просто звуком — тем же, которым кричат новорождённые, когда впервые вдыхают воздух.

Вторая вспышка длилась вечность.

Когда она закончилась, Анна не могла двигаться. Она лежала на спине в воде, раскинув руки, и смотрела, как золотистая пыльца поднимается от её тела к куполу из корней. Своя пыльца. Густая, яркая, живая.

— Две, — сказал Тириэль, и его голос теперь дрожал. — Осталась одна.

— Не надо, — прошептала Анна. — Пожалуйста. Я больше не выдержу.

— Выдержишь.

Он встал.

Вода заколыхалась, и Анна увидела его тело целиком — впервые без одежды, без прикрытия, без полутонов. Белая кожа, отливающая голубизной. Тёмные соски, твёрдые, как и у неё сейчас. И там, ниже живота — то, что она старалась не разглядывать, но не могла отвернуться.

Эльфы не были похожи на людей в этом месте. Не больше, не меньше — другие. Гладкие, светящиеся, с лёгким изгибом вверх, как молодой побег. И этот побег был твёрдым и большим.

— Ты возбуждён, — сказала Анна.

— Это вода, — ответил Тириэль. — Лунный настой действует на всех.

— Ты врёшь.

Он не ответил. Подошёл к ней в воде, сел рядом — так близко, что их бёдра почти касались. Поднял руку, положил ей на затылок и притянул к себе. Не для поцелуя, а для того, чтобы её подбородок коснулся его шеи.

— Третья вспышка будет другой, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Первые две дала вода. Третью дам я.

— Как?

— Песней. Но не той, что в прошлый раз, а той, которую поют только один раз. Той, после которой связь либо становится нерушимой, либо рвётся навсегда.

— А если рвётся?

— Ты умрёшь. Я тоже. Но не сразу. Я буду жить с дырой внутри, пока она не зарастёт. А зарастает она сто лет.

Она посмотрела в его серые глаза. Впервые без страха, без ненависти, без желания ударить.

— Почему ты рискуешь?

— Потому что, — он запнулся, впервые запнулся. — Потому что, Анна, если я не сделаю этого сейчас, я сделаю это позже, но уже без песен. А без песен это будет насилие, которое убьёт нас обоих.

Он начал петь, и мир исчез.

Третья волна не была похожа ни на первую, ни на вторую. Это была не волна — это был потоп. Цунами. Конец света.

Анна чувствовала, как её тело растворяется в воде, в свете, в его голосе. Она перестала понимать, где её руки, где его руки, где вода, где воздух. Всё смешалось в одно — горячее,

золотое, бесконечное.

Она кончала и не могла остановиться. Волна шла за волной, и между ними не было пауз, не было передышек, не было ничего, кроме этого бесконечного падения в себя.

Когда всё закончилось, она лежала у него на груди. Мокрая, дрожащая, опустошённая. И впервые чувствовала, как под её щекой бьётся его сердце — слишком быстро для эльфа, слишком громко для того, кто называет себя холодным.

— Три, — прошептал Тириэль куда-то в её волосы. — Ошейник упадёт через три дня. Если захочешь уйти — уйдёшь.

Анна закрыла глаза. Она уже знала, что не уйдёт.

Не потому, что не могла, а потому что не хотела.

Глава 7. Отказ

Три дня.

Три дня она ждала, когда упадёт ошейник.

Три дня вслушивалась в своё тело, пытаясь уловить момент, когда серебряные браслеты на запястьях потеряют силу.

Они всё ещё были здесь — холодные, гладкие, плотно облегающие кожу. Но Анна чувствовала, как внутри них что-то меняется. Металл стал теплее.

Иногда, по ночам, он светился — тусклым, молочным светом, похожим на тот, что исходил от воды в лунной бане.

Тириэль не приходил.

В первый день после бани Анна проснулась с ощущением, что её тело переплавили и отлили заново. Каждый мускул, каждая косточка, каждый миллиметр кожи чувствовались острее, ярче, реальнее, чем когда-либо в прошлой жизни.

Она провела ладонью по животу и ахнула — прикосновение отозвалось не просто теплом, а целой симфонией. Словно под кожей у неё жил не один человек, а целый хор, и каждый голос пел свою мелодию.

Пыльца.

Она впиталась. Стала частью неё. Анна могла теперь чувствовать её — тонкую, золотистую нить, которая пульсиро-

вала где-то у основания позвоночника. Свою собственную пыльцу. Ту, что научилось создавать её тело.

На второй день она попыталась вызвать её сама. Закрыла глаза, вспомнила ощущение нити ветра, его голос, его пальцы в воде, и почувствовала, как внутри загорается маленький, тёплый огонёк. Не вспышка. Даже не предвкушение. Просто намёк. Но он был.

На третий день ошейник не упал.

Анна проснулась, посмотрела на запястья — серебряные браслеты блестели в утреннем свете, как ни в чём не бывало. Она подождала час. Два. Пять. Вечером, когда синий свет сменился лиловым, она поняла: что-то пошло не так.

Она нашла Тириэля в дальней части дома.

Он сидел на корнях, которые выступали из стены, образуя нечто вроде балкона над пропастью.

Внизу, далеко-далеко, шумел лес — не тот, живой и ручной, что окружал дом, а настоящий, дикий, полный теней и голосов, которых её человеческое ухо не могло разобрать.

— Ошейник не упал, — сказала Анна, останавливаясь у него за спиной.

— Я знаю, — ответил Тириэль, не оборачиваясь.

— Ты говорил, что трёх вспышек достаточно.

— Для полукровки с чистой эльфийской кровью достаточно. — Он повернул голову, и в свете двух лун его лицо казалось вырезанным из кости. — Но ты не чистая полукровка. В тебе слишком много человеческого. Твоё тело научилось

создавать пыльцу, но не научилось её удерживать. Она уходит так же быстро, как приходит.

— И что теперь? — Анна подошла ближе. — Ещё одна вспышка? Две? Десять?

— Не знаю. — Он произнёс эти слова так, будто выплёвывал камень. — Никто не знает. Ты — первая, чьё человеческое начало так сильно сопротивляется эльфийской магии.

— Первая, кого ты встретил?

— Первая, о ком я слышал. — Он встал, и Анна увидела, что он бледен.

Бледнее обычного — настолько, что голубоватые вены просвечивали на висках, как трещины на тонком фарфоре.

— Пыльца, которую ты создала, связана со мной. Твоя утечка — это моя потеря. Каждую ночь я слабею настолько, насколько ты опустошаешься.

— Ты не говорил мне этого.

— Потому что это ничего не меняет. — Он шагнул к ней, и в его глазах Анна увидела ту же холодную, тяжёлую решимость, что и в бане. — Ты всё равно должна научиться. Или мы оба умрём.

Она хотела спросить — почему он не бросит её? Почему не продаст другому? Почему рискует своей жизнью ради какой-то полукровки с невольничьего рынка? Но вопрос застрял в горле, потому что в этот момент она поняла.

Он не мог её бросить.

Связь, о которой он говорил в первый день, была не про-

сто магической нитью. Это было что-то большее. Что-то, что вращало в него так же глубоко, как пыльца вращала в неё. Он был привязан к ней так же сильно, как она к нему. Может быть, даже сильнее.

— Тириэль, — сказала она тихо. — Я хочу кое-что попробовать.

— Что?

— То, чему ты меня не учил.

Она сделала шаг к нему. Потом второй. Он не отступил, но Анна видела, как напряглись его плечи, как пальцы сжались в кулаки.

— Не надо, — сказал он.

— Ты даже не знаешь, что я хочу сделать.

— Знаю. — Его голос стал ниже, почти угрожающим. — Ты хочешь коснуться меня. По-человечески. Губами. Руками. Ты хочешь взять то, что не даётся.

— А ты хочешь дать, — сказала Анна. — Я видела тебя в бане. Ты хотел. Ты дрожал.

— Желание и действие — не одно и то же, — отрезал он. — Я могу хотеть войти в тебя каждую секунду каждого дня, но если я сделаю это — наша связь порвётся. Твоя пыльца погаснет. Ты умрёшь за минуту. Я — за год, но этот год без тебя будет длиннее, чем сто лет с кем-то ещё.

Анна остановилась в шаге от него.

Она смотрела на его губы — бледные, сухие, с тонкой трещиной посередине. На его скулы, на его глаза, в которых сей-

час не было ни холода, ни стали. Была только боль. Древняя, выученная боль существа, которое привыкло не чувствовать, потому что чувства убивают.

— А если не войти? — спросила она. — Если просто поцеловать?

— Это тоже насилие, — сказал Тириэль. — Для нас. Для эльфов. Поцелуй — это не приветствие и не ласка. Это обещание. Клятва. Тот, кто целует, берёт на себя ответственность за жизнь того, кого целуют. А я не могу взять ответственность за тебя, потому что если возьму, а потом потеряю, я сойду с ума.

Она не послушалась.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Кожа под её пальцами была холодной, гладкой, как шлифованный камень. Но под кожей — под этой ледяной маской — пульсировало тепло. Живое, настоящее, испуганное.

Тириэль замер.

— Убери руку, — сказал он сквозь зубы.

— Нет.

— Анна.

Она услышала своё имя в его устах и поняла, что не может остановиться. Она поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам.

Это был не поцелуй в человеческом понимании. Ни нежности, ни страсти, ни даже намёка на опыт. Просто прикосновение. Кожа к коже. Тепло к холоду.

Но для Тириэля это оказалось катастрофой.

Он отшатнулся так, будто его ударили. Отлетел на три шага, врезался спиной в корни, и Анна слышала, как хрустнуло — не дерево, не кость, а что-то другое. Невидимое. То, что связывало их.

Воздух между ними полыхнул синим.

Анна почувствовала, как внутри неё что-то рвётся. Не больно — страшно. Как будто кто-то перерезал канат, на котором она висела над пропастью.

Пыльца в основании позвоночника вспыхнула и погасла. Тепло, которое она научилась чувствовать, исчезло, оставив после себя холодную, звенящую пустоту.

— Что ты наделала, — прошептал Тириэль.

Он стоял, прижимая руку к груди, и Анна видела, как между его пальцами сочится свет. Не кровь — свет. Тёплый, золотистый, жидкий. Он вытекал из него, как вода из разбитого кувшина.

— Я не... — Анна попятилась. — Я просто хотела...

— Ты просто хотела, — повторил он, и голос его сломался. — Вы, люди, всегда просто хотите. Вы хотите, берёте, ломаете, а потом удивляетесь, почему всё вокруг вас рассыпается.

Он убрал руку от груди. На коже, прямо под ключицей, зияла трещина. Не рана, а именно трещина, как на старой стене, сквозь которую сочился свет.

— Наша связь повреждена, — сказал Тириэль. — Не по-

рвана. Но повреждена. Пыльца, которую ты создала, утекает через эту трещину. И моя тоже.

— Как это исправить?

— Никак. — Он поднял на неё глаза — серые, мёртвые, без единой искры. — Только время. Или ещё одна вспышка. Достаточно сильная, чтобы залатать разрыв. Но ты не получишь её сейчас. Твоё тело закрылось. Оно боится.

— Я не боюсь.

— Боится, — повторил он. — Не ты. Твоё тело. Оно почувствовало, что я отшатнулся, и решило, что я — угроза. Теперь оно будет сопротивляться любой моей попытке дать тебе пыльцу.

Он опустился на корни, закрыл лицо руками. Анна никогда не видела его таким — сломленным, уставшим, почти человеческим.

— Уходи, — сказал он глухо. — Пожалуйста. Просто уйди.

Но она не ушла, а села рядом с ним на корни, свесила ноги в пропасть и стала смотреть на лес внизу.

Тени двигались между стволами, и где-то далеко-далеко пела ночная птица — низким, тягучим голосом, похожим на плач.

— Я не знала, что так выйдет, — сказала она тихо.

— Знала бы — не сделала?

— Сделала бы, — ответила Анна после долгой паузы. — Потому что я хотела тебя поцеловать. Не чтобы навредить.

Не чтобы взять. Просто... хотела. Впервые в этом чужом мире я захотела чего-то по-настоящему. Не потому, что масло или пыльца, а потому, что это ты.

Тириэль молчал так долго, что она подумала — он ушёл в себя, в ту эльфийскую медитацию, о которой он говорил. Но потом он убрал руки от лица и посмотрел на неё.

Свет двух лун падал на его лицо, делая трещину на груди ещё более заметной. Свет сочился из неё, и Анна видела, как он медленно, по капле, уходит в ночной воздух.

— Если я выживу, — сказал он тихо, — то только потому, что ты будешь рядом. Не как рабыня. Как... я не знаю, как. Эльфы не придумали слова для того, что происходит между нами.

— Может, потому, что это человеческое слово? — спросила Анна.

— Может быть.

Она положила голову ему на плечо. Он не отодвинулся. Не обнял. Просто сидел, глядя в пропасть, пока свет из трещины на его груди не перестал сочиться и не затянулся тонкой, бледной плёнкой.

Ошейник на её запястьях всё ещё блестел в лунном свете, но теперь Анна знала: он упадёт не тогда, когда её тело научится держать пыльцу.

Он упадёт тогда, когда они оба научатся не бояться.

Глава 8. Истечение срока

Прошло десять дней.

Анна считала их по трещине на его груди. Каждое утро она просыпалась, находила Тириэля в зале с живыми стенами и смотрела на то место под ключицей, где зиял разрыв.

Трещина то уменьшалась, то снова расползалась, но никогда не затягивалась полностью. Свет сочился из неё постоянно — слабый, болезненный, похожий на светлячка, запертого в банке.

Он не жаловался. Не говорил о боли. Вообще почти не говорил.

Они жили в странной, тяжёлой тишине. Тириэль приносил еду — ягоды, лепёшки, иногда кусок мяса, запечённого в листьях, от которого пахло дымом и можжевельником. Он ставил миску на пол и уходил. Анна ела одна. Спала одна. Пыталась вызвать пылцу и чувствовала только холодную пустоту там, где раньше горел огонь.

На пятый день она попробовала заговорить с ним.
— Тириэль.

Он остановился в проходе, не оборачиваясь.

— Ты должен есть.

— Я не голоден.

— Ты бледнеешь. Каждый день сильнее.

— Это не имеет значения.

Он ушёл, и Анна осталась сидеть с миской в руках, глядя на закрывшуюся стену из живых корней. Впервые за всё время она почувствовала не злость, не страх, не желание, а что-то другое. Тяжёлое, липкое, похожее на отчаяние.

На седьмой день она проснулась от того, что её тело горело.

Не так, как от масла цветущей ивы — грубо, насильственно. И не так, как от пыльцы — сладко, бесконечно. По-другому. Болезненно. Как будто внутри неё кто-то разводил костёр из сырых веток: много дыма, мало тепла, и каждый вдох режет лёгкие.

Она села на листьях, подтянула колени к груди и увидела, что браслеты на запястьях почернели.

Не потускнели, а именно почернели. Серебро стало тёмным, как старый дымчатый топаз, и на нём выступили тонкие, паутинные трещины.

— Ошейник умирает, — сказал Тириэль.

Он стоял в проходе, прислонившись плечом к косяку. Сегодня он выглядел хуже, чем когда-либо — под глазами залегли лиловые тени, губы потрескались, а трещина на груди светилась ярче, чем обычно.

— Что значит «умирает»? — спросила Анна.

— Значит, что серебро теряет силу. Не потому, что ты освобождаешься, а потому, что умираешь. Твоё тело перестаёт бороться. Оно сдаётся. И ошейник, который держал тебя в этом мире, сдаётся вместе с ним.

— Я не сдаюсь.

— Твоё тело — да, — сказал Тириэль. — Каждую ночь ты теряешь пыльцу. Каждую ночь я теряю её вместе с тобой. Моя трещина не заживает, потому что ей нечем заживать. Мы оба истекаем, Анна. Ты — быстрее. Я — медленнее. Но финал один.

Он вошёл в зал, сел напротив неё на корточки. Вблизи он был ещё более пугающим — кожа на скулах натянулась, как пергамент, глаза ввалились.

— У тебя осталось три дня, — сказал он. — Максимум. На четвёртый твоё сердце остановится.

— А у тебя?

— У меня — сто лет. Но сто лет без тебя. С дырой, которая не зарастёт никогда. С памятью о том, что я мог тебя спасти и не спас.

Он замолчал. Анна смотрела на него, и впервые за всё время ей не хотелось ни ударить его, ни поцеловать, ни закричать. Хотелось только одного, чтобы он перестал смотреть на неё как на покойницу.

— Ты говорил, — сказала она медленно, — что есть способ. Отчаянный.

Тириэль поднял на неё глаза. В них не было ни холода, ни стали — только пустота. Та самая пустота, которую Анна чувствовала внутри себя.

— Есть, — сказал он. — Один. Но он может убить нас обоих.

— Расскажи.

Он помолчал, собираясь с мыслями — или с силами.

— Внизу, под этим домом, есть место, — начал он. — Старое место. Там, где корни встречаются с сердцем леса. Эльфы не ходят туда. Даже самые древние из нас. Потому что там нет магии. Там только чистая, первобытная сила. Желание. Голод. То, из чего родился наш мир, прежде чем мы научились петь и плести нити.

— Ты хочешь отвести меня туда?

— Я хочу, чтобы ты получила ещё одну вспышку там, — сказал Тириэль. — Не от меня. От леса. От земли. От того, что было до песен и до правил. Если ты выживешь, твоё тело запомнит, как дышать. Если нет...

Он не договорил.

— А ты? — спросила Анна. — Что будет с тобой?

— Я пойду с тобой. — Его голос стал твёрже. — В этом месте моя магия не работает. Я буду таким же беспомощным, как ты. Может быть, даже более беспомощным, потому что я привык контролировать, а там контроля нет.

— Зачем ты идёшь?

Тириэль посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Потом протянул руку и коснулся её щеки. Впервые с того вечера, когда она поцеловала его и сломала их связь. Его пальцы были холодными, сухими, почти неживыми.

— Потому что, Анна, — сказал он тихо, — я не хочу жить сто лет, зная, что мог быть рядом с тобой в последний миг

и не был.

Она накрыла его ладонь своей. Кожа к коже. Тепло к холоду. На этот раз трещина на его груди не полыхнула синим — только слабо, болезненно замерцала, как угасающий уголёк.

— Когда идём? — спросила Анна.

— Завтра на рассвете, — ответил Тириэль. — Выпись. Ешь. Пей. Завтра тебе понадобятся все силы, которые остались.

Он убрал руку, встал и пошёл к выходу. У самого прохода остановился.

— Анна.

— Да?

— Если мы выживем, — сказал он, не оборачиваясь, — я научу тебя целовать меня правильно. По-эльфийски. Чтобы это не ломало, а строило.

Он ушёл.

Анна осталась сидеть на листьях, прижимая ладонь к щеке, где всё ещё горело тепло его пальцев. Браслеты на запястьях почернели ещё сильнее, но внутри, глубоко-глубоко, там, где последние десять дней была только пустота, затеплилось что-то крошечное, тёплое, живое.

Уже не пыльца, а надежда.

Она не спала эту ночь. Не потому, что боялась — потому, что не хотела пропустить ни одного мгновения. Лежала на спине, смотрела, как золотистые прожилки на стенах пульсируют в такт её сердцу, и думала.

О том, какой была её прошлая жизнь. Офис, съёмная квартира, парень, который не смотрел на неё так, как Тириэль смотрел сейчас, даже когда она умирала.

О том, что она почти не помнила своего человеческого лица.

О том, что, возможно, это не случайность. Возможно, она всегда была полукровкой. Просто не знала.

Под утро, когда синий свет за стенами начал сменяться розовым, она услышала шаги.

Тириэль стоял в проходе, одетый в чёрное, с собранными в узел волосами. Сегодня он выглядел почти так же, как в первый день на аукционе — прямой, холодный, неуязвимый. Только тени под глазами и трещина на груди выдавали правду.

— Готова? — спросил он.

— Нет, — ответила Анна, вставая. — Но пойду.

Он кивнул и протянул руку. Не для поцелуя. Не для объятия. Просто — ладонь раскрыта, пальцы чуть согнуты. Приглашение.

Анна вложила свою ладонь в его.

И они пошли вниз — туда, где корни встречаются с сердцем леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.